

*Вечернее
шампанское*

А. Байназарова

А. Байназарова

Вечернее шампанское

<https://litres.ru/74251527>

SelfPub; 2026

Аннотация

Поэт Владимир Остряков пытается сохранить себя в Москве 1920-х, где искусство требует ясности, а не красоты. Но когда он теряет голос, в его жизни появляется художник Александр Нотский — человек, который помогает ему снова начать слышать себя.

«Вечернее шампанское» — это повесть о цвете, упрямстве, любви, разлуке и тихом спасении.

А. Байназарова

Вечернее шампанское

Глава 1

Вечернее шампанское

Часть первая. Рождение голоса

Глава 1. Грезы

Осень за окном стелилась сплошной серой пеленой. Небо, тяжелое и низкое, лишь изредка пропускало сквозь тучи бледные, почти призрачные лучи света, которые не согревали, а только подчеркивали холодность дня. В этом полумраке одиноко стоял старый одноэтажный деревянный дом. Его крыльцо, обитое выцветшей доской, тихо скрипело под весом времени, а рядом, на фоне унылого пейзажа, возвышалось сухое дерево – страж этого захолустья. Оно казалось живым, лишь благодаря своим изломанным ветвям, которые то и дело били по стеклу окна, создавая ритмичный, настойчивый стук.

Внутри дома царила тишина, нарушаемая едва уловимым и единственным звуком – отдаленным шуршанием карандаша по бумаге. Этот звук был тихим, но отчетливым, словно дыхание самого времени. Он заполнял пустоту комнаты сосредоточенностью и странным уютом – тем самым, которо-

го так не хватало снаружи. За окном бушевала осень, дерево пыталось пробиться внутрь, а внутри – лишь точка на листе, медленно обретавшая форму букв, а потом строк. Этот контраст между суровым внешним миром и тихим внутренним творческим процессом создавал ощущение защищенности на какое-то время.

Год 1895. На неровном деревянном полу лежит мальчик лет шести. В правой руке карандаш с тупым кончиком. А перед лицом клочок обоев, вырванный из-под стола в гостиной. Он написал две небольшие строки, что сплетались между собой как первое стихотворение:

*Я вижу, как мама уходит в туман,
А следом за мамой – мой сонный диван*

Мальчика звали Владимир. Он изредка поднимал голову к окну, за которым стучало дерево, и снова писал то, что приходило в его маленькую голову. Внешностью он пошел весь в отца: те же темно-русые волосы с землистым отливом и серо-голубые глаза, что были так похожи на осеннее небо за стеклом дома. Но в них, в отличие от неба и отцовской строгости, теплилось что-то живое. Что именно – он сам бы не объяснил.

Внезапно, как и лучи солнца, в гостиную вошла мама – Надежда Литовская. Она была, в отличие от отца, доброй и любила сына. Мама обратила внимание, что сын лежит на полу и что-то старательно пишет на ободранном кусочке, но не стала его отвлекать – мало ли, рисует или выводит буквы.

Только позвала:

— Володя, ужин.

Мальчик не поднял головы, но карандаш на долю секунды завис в воздухе, прежде чем снова лечь на бумагу с новой силой. Мать постояла на пороге, вздохнула и тихо вышла в кухню.

Когда четверостишие было дописано, Владимир встал с пола. Карандаш и кусок обоев остались лежать на месте. Мальчик отряхнул белую рубашонку, поправил брюки и направился туда, откуда уже тянул запах супа со свежим хлебом. Но на кухне обстановка стала другой: за столом, уткнувшись в газету «Русское слово» вчерашнего выпуска, сидел отец. Складка на лбу и поджатые губы ясно говорили о его строгости, которую он всегда показывал и надеялся, что мальчик вырастет таким же, но Владимир хоть и пошел внешностью в него, характером был добр и спокоен, да и лишнего ничего не говорил.

Сев на деревянную скамейку рядом, он смотрел в сторону отца, надеясь, что тот обратит на него хоть долю внимания, но он лишь кашлял и перелистывал газету, читая дальше. Не дождавшись зрительного внимания, Володя опустил голову, молча слушая, как мама достает тарелки и накладывает суп.

— Руки помыл? — спросил отец, так же читая газету и даже не взглянув на сына.

Владимир замер, сжав под столом свои руки. Он их не мыл, но лишь коротко кивнул и после добавил:

— Да.

Последующего ответа от отца не последовало и мальчик спокойно выдохнул, прежде чем мама поставила перед ним ложку и тарелку горячего супа с кусочком свежего хлеба, что испекла утром.

Они ели в тишине. Кухня наполнилась лишь звучанием ложек о края тарелок, отец все так же шуршал газетой, медленно поднося ложку ко рту. Володя смотрел в тарелку и думал о том, что дописал сегодня. О том, что эти строки – его, и никто их не отнимет. Даже отец.

После ужина он ушел в свою комнату. Небольшая комнатуха: окно напротив входа, с правой стороны – заправленная с утра кровать. Подушка, поставленная как парус корабля. Владимир лег на кровать, накрывшись шерстяным одеялом до подбородка. Сон не шел. В голове кружились те написанные строки. Казалось, что они светились изнутри и не давали ему уснуть.

Ночь была темной, тучи рассеялись, открывая черное небо с многочисленными белыми точками, что сияли вместе с полной луной. За окном все еще слышался стук ветви по стеклу и другие звуки, которые ночью слышны отчетливее, чем днем. Из спальни родителей доносились шепотки, прежде чем весь дом уснул, Володя не спал. Он тихо встал с кровати, которая скрипнула от его веса. И прокрался под лунным светом в сторону гостиной, достав из-под стола тот самый клочок обоев. Владимир перечитал строки еще раз,

карандаш в темноте комнаты почти не различался, но его это не волновало. Он осторожно сел на пол, положив обрывок перед собой, туда, где света было больше и добавил еще две строчки:

Туман — это память, мгновенья мгла,

А мама на веки, со мною всегда

Потом Володя встал с пола и кусочком обоев в руках пошел обратно в свою комнату. Засунув свое первое стихотворение под подушку, он лег на кровать и только тогда заснул крепким, полным спокойствия сном.

Утро. Владимир встал уже как час назад и сейчас сидит на кухне допивая чай. Мама убирается по дому и в этот момент зашла к сыну в спальню с веником из сухой соломы, чтоб прибрать под кроватью. Взяв его обеими руками, Надежда начала подметать, выгребая из-под кровати пыль и вдруг, нащупала клочок обоев. Она нагнулась, чтоб взять бумажку и заметила на нем слова детским, неровным почерком. Мама помнила, что вчера сын лежал на полу с карандашом, но не приглядывалась. А теперь она увидела строки

Надежда поставила веник около кровати и прошла к сыну, который поставил, пустую кружку на стол. Володя сначала заметил маму, а потом и свой кусок обоев. Руки сжали чашку сильнее, хоть мама никогда не ругалась на него, но по лицу ее можно было заметить испуг, что встревожил мальчика.

— Володя, что это? — тихо спросила мама, показывая сыну кусок бумаги.

— Стих. — Тихо, но четко ответил Владимир. Взгляд метался с мамы на листок.

Надежда вздохнула снова, опустив руку с бумажкой и ответила, перекрестив сына:

— Господь с тобой. Стихи — это нервная болезнь.

Володя не ответил, опустив голову и медленно разжимая руки на чашке, прежде чем в дом вошел отец, что вернулся с рынка.

Константин Литовский — был рязанский мещанин, перебравшийся в Москву продавать мануфактуру. Стихов не читал принципиально. Он считал, что это все пустая трата времени и денег.

Зайдя в дом и сняв пальто, Константин сразу заметил Надю и Владимира рядом, брови его нахмурились в привычном жесте. Он зашел в кухню и, обведя обоих взглядом заметил кусок обоев в руках жены. От этого взгляда сердце мальчика на время замерло, прежде чем застучать сильнее, а руки сжались вокруг кружки.

— Дай. — Коротко, но требовательно попросил отец, протянув руку к Наде.

Мать поджала губы, чтоб скрыть обиду и страх за сына, но медленно протянула клочок к тяжелой и шершавой ладони мужа, тот же взял его, слегка смяв в пальцах. Глаза быстро пробежали по четырем строкам, прежде чем поднялись на сына. В его глазах не было отвращения или раздражения, только больное для Володи равнодушие.

— Выкинь. — Проговорил Константин хриплым голосом, обращение было к Наде, чем к сыну.

Он кинул смятый обрывок на стол и вышел из кухни. Последнее, что заметил обиженный Володя, — как отец провел рукой по лицу в явном раздражении.

Шло время. Владимир из шестилетнего мальчика вырос в высокого юношу, но стихи не бросил. Он писал везде, где мог: на полях учебников, на газетных обрезках, на белых манжетах — за это его невзлюбил учитель чистописания.

Старик с дрожащими руками и тяжелой линейкой терпеть не мог «красивые души». Однажды он заметил на рукаве Литовского несколько неровных строк, выведенных карандашом. Лицо его побагровело.

— Что это?! — закричал учитель, хватая его за запястье и трясая перед ним.

— Стихи, — ответил Владимир, не опуская глаз.

— Красивая душа не пишет каллиграфически! — прошипел старик и взмахнул линейкой.

Два хлопка дерева по коже разлетелись по классу, все молчали, учитель был весь красный от ярости. Но Володя стерпел, не издав ни звука. В тот день он понял: училище — не место для его творчества.

Когда Владимир вернулся домой, там его ждала обстановка еще напряженнее. Отец сидел в гостиной на своем кресле,

читая газету. Юноша прошел мимо, Константин кашлянул, не так как кашляют обычно – это означало остановиться и подойти. Володя тихо вздохнул и вернулся в гостиную, остановившись перед отцом. Сердце стучало в груди, а в мыслях уже пронесли слова: *Он знает. Ему пожаловались.*

— Бросай эту дурь, — сказал Константин, даже не глядя на сына. — Учись на мещанина, торгуй. Стихи – не дело.

— Я уйду из училища, — тихо ответил Владимир.

Отец поднял голову. Впервые посмотрел сыну в глаза – холодно, тяжело, как всегда делал в детстве, когда тот делал что-то не так.

— И куда же?

— В университет. На историко-филологический.

Константин долго молчал. Потом усмехнулся – сухо, беззвучно.

— Ну и проваливай.

Но Владимир не провалился. Он ушел сам. В 1907 году, в возрасте восемнадцати лет, он бросил училище и поступил в университет. Туда, где стихи не считали нервной болезнью, где их не осуждали и не сминали в комок.

Шло время. Владимир учился в историко-филологическом университете, он дал ему то, чего не смогло дать училище: воздух, свободу, споры до утра и одно слово, которое он запомнит на всю жизнь «*футуризм*».

Впервые он услышал это слово на лекции. Молодой пре-

подаватель, который расхаживал по классу с небольшой книжонкой, небрежно бросил: *«Футуристы рвут старые формы»*. И тогда Владимир понял: вот оно. Вот где он сможет показать свои стихи и где, наконец, найдет своё имя. Литовский – звучит слишком мягко, слишком... Старинно. Ему хотелось чего-то нового, как и это направление, чего-то острого, что будет резать языки, как осколок стекла. И в голову сразу пришла она: *Остряков*.

Он взял этот псевдоним в 1914 году, когда в газете согласились напечатать его первое стихотворение. Редактор спросила:

— Как подписать?

— Остряков, — ответил Владимир, чувствуя, как буквы режут язык.

Стихотворение называлось «Ломающий ритм». Оно было в духе русского футуризма с акцентом на динамику и намеренное разрушение привычной литературы. И ни слова о политике, ни слова о правительстве. Только человек.

И его напечатали в местной газете на одном из листов с громким заголовком, про новое направление с лозунгом, что звучал еще в 1912 году: *«Пощечина общественному вкусу!»*.

Владимир держал в руках газету, в нос бил запах свежей краски. Он смотрел на свою фамилию – новую, чужую, свою – и не верил своим глазам. Потом улыбнулся, как не улыбался в детстве и сложив газету пополам, спрятал ее под подушку и лег спать. Как в детстве.

*Дикий слог – мой снаряд, мой бунтарь!
Слом размера – удар по цензуре,
Я – безгласный, ставший собою букварь,
Раздирающий швы устарелой культуры.
Свобода – хрип, сбивающий бег,
Где такт – восстание против правил!
В сердце сломанный – новый человек,
Что слово свое на метафору вставил.*

Глава 2. Розовое небо